

Тенденции развития российского семейного права

Аннотация. Целями семейно-правового регулирования являются обеспечение укрепления института семьи и сохранения традиционных семейных ценностей, гарантирование осуществления и защиты прав членов семьи. Правовая охрана публичных и частных интересов в семейной сфере предопределяет дифференциацию концептов правового регулирования различных видов семейных отношений, что ведет к искусственному расщеплению предмета семейного права. Правовые нормы о личных неимущественных отношениях членов семьи подвергаются конституционализации, которая предполагает переосмысление их содержания сквозь призму конституционных ценностей. В правовом регулировании имущественных семейных отношений наблюдается тенденция ко всё большему усилению гражданско-правовых начал, направленная на обеспечение стабильности гражданского оборота, что снижает степень правовой гарантированности имущественных интересов членов семьи. Вместе с тем за семейно-правовой охраной институтов семьи, материнства, отцовства и детства как конституционных ценностей должна следовать выработка на законодательном уровне эффективной системы семейно-правовых гарантий защиты имущественных интересов членов семьи. Унификация ценностных подходов к правовому регулированию личных неимущественных и имущественных отношений членов семьи, ориентированная на достижение целей семейно-правового регулирования, позволит не только сохранить целостность предмета отрасли семейного права, но и обеспечить гармонизацию частных и публичных интересов в семейно-правовой сфере.

Ключевые слова: цели семейно-правового регулирования; укрепление института семьи; традиционные семейные ценности; предмет семейного права; личные неимущественные правоотношения членов семьи; имущественные правоотношения членов семьи; конституционализация семейного права; право на семью; публичный интерес

Для цитирования: Ксенофонтова Д. С. Тенденции развития российского семейного права // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 6. — С. 52–60. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.187.6.052-060

Trends in the Development of Russian Family Law

Darya S. Ksenofontova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Family and Housing Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
dsksenofontova@msal.ru

Abstract. The objectives of family law regulation include strengthening the institution of the family, preserving traditional family values, and ensuring the exercise and protection of the rights of family members. The legal protection of both public and private interests in the family sphere has led to a differentiation of regulatory concepts applicable to various types of family relations, resulting in an artificial fragmentation of the subject matter of family law. Legal norms governing the personal non-property relations of family members are undergoing a

© Ксенофонтова Д. С., 2026

* Ксенофонтова Дарья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
dsksenofontova@msal.ru

process of constitutionalization, which entails a reassessment of their content through the prism of constitutional values. At the same time, the regulation of property relations within the family reflects an increasing reliance on civil law principles aimed at ensuring the stability of civil circulation, a trend that reduces the degree of legal protection afforded to the property interests of family members. Given that the institutions of family, motherhood, fatherhood, and childhood are protected as constitutional values, such protection should be accompanied by the development at the legislative level of an effective system of family law guarantees safeguarding the property interests of family members. The unification of value-based approaches to the regulation of both personal non-property and property relations among family members—directed toward achieving the objectives of family law regulation—will not only preserve the integrity of the subject matter of family law as a distinct branch, but also promote the harmonization of private and public interests within the family law sphere.

Keywords: objectives of family legal regulation; strengthening the institution of the family; traditional family values; subject of family law; personal non-property legal relations of family members; property relations of family members; constitutionalization of family law; right to a family; public interest

Cite as: Ksenofontova DS. Trends in the Development of Russian Family Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(6):52-60. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.187.6.052-060

Целями семейно-правового регулирования являются обеспечение укрепления института семьи и сохранения традиционных семейных ценностей, а также гарантирование осуществления и защиты прав членов семьи. Несмотря на отсутствие в Семейном кодексе РФ¹ понятия традиционных семейных ценностей, очевидно, что их сохранение гарантируется в том числе семейно-правовыми средствами.

Сугубо публично-правовые представления о семье, материнстве, отцовстве и детстве как традиционных ценностях, обеспечивающих непрерывную смену поколений и выступающих условием сохранения и развития многонационального российского народа, и, как следствие, акцентирование внимания на приоритетном предназначении семьи, выражающемся в рождении и воспитании детей², не только выступают фундаментальными началами реализуемой

государственной демографической политики, но и влияют на законодательные и правоприменительные подходы в сфере частных семейных отношений.

Формируется тенденция дифференциации концептов правового регулирования различных видов семейных отношений, что ведет к искусственному расщеплению предмета семейного права (искусственному, так как предмет семейного права является сам по себе однородным). Правовые нормы о личных неимущественных семейных отношениях подвергаются конституционализации, тогда как в правовом регулировании имущественных отношений членов семьи всё более явно прослеживается тенденция усиления гражданско-правовых начал³.

Конституционализация семейно-правовых норм о личных неимущественных отношениях членов семьи предполагает переосмысление

¹ Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» (п. 2) // СЗ РФ. 2021. № 28 (ч. II). Ст. 5629.

³ В данном случае не приходится говорить о гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве, так как превалирование публичного интереса в ряде случаев нарушает принцип автономии семьи, а диспозитивность правового регулирования обеспечивается гражданско-правовыми средствами, преследующими достижение цели в виде стабильного гражданского оборота, не присущей семейному праву. О гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве см.: Ильина О. Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 11.

их содержания сквозь призму конституционных ценностей и особого публичного интереса, очерчивающего пределы осуществления прав граждан в сфере частной жизни⁴. Примерами, иллюстрирующими эту тенденцию, служат новеллы о прекращении брака вследствие внесения изменения в запись акта гражданского состояния об изменении пола одним из супругов⁵ либо о запрете на усыновление детей лицами, изменившими пол, и гражданами иностранных государств, в которых разрешается смена пола⁶. Эти правовые нормы конкретизируют представления о браке как союзе мужчины и женщины на протяжении всего времени его существования, а также о предназначении порождаемой браком семьи, заключающемся в рождении и воспитании детей.

Между тем законодатель сохраняет подход к браку как к добровольному союзу мужчины и женщины, хотя на первый взгляд можно допустить наличие публичного интереса в большем, нежели уже имеется⁷, ограничении действия соответствующего принципа семейного права применительно к свободе расторжения брака. Однако это не так: приоритет отдается решению демографических проблем, в том числе повы-

шению уровня рождаемости, чему способствует вступление граждан в повторные браки, в которых с большей вероятностью будут рождены дети, чем в браках, где супруги утратили близкие и доверительные отношения, духовное и эмоциональное родство либо вовсе фактически прекратили семейные отношения. Ввиду этого законодатель не стремится пересмотреть семейно-правовые нормы на предмет усложнения процедуры расторжения брака, тем самым обеспечивая гармонизацию частных и публичных интересов.

Следует отметить общий законодательный подход, в соответствии с которым отсутствие у мужчины и женщины правового статуса супругов само по себе не препятствует приобретению ими правового статуса родителей. Так, семейно-правовые нормы обеспечивают равные правовые статусы детей, рожденных в браке и вне брака (ст. 53 СК РФ)⁸, право на применение вспомогательных репродуктивных технологий, отличных от суррогатного материнства, имеют также мужчина и женщина, не состоящие в браке, и одинокая женщина (ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской

⁴ В научной литературе справедливо отмечается, что правовая охрана частной жизни гражданина также представляет собой сферу реализации конституционных ценностей, поскольку здесь обнаруживается специальный публичный интерес. См.: *Ульбашев А. Х.* О конституционализации частного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6 (121). С. 90–95.

⁵ Такое решение проблемы однополых союзов, образованных вследствие смены пола одним из супругов, исключило неправильное применение судами норм материального права, вследствие которого такие браки, несмотря на отсутствие пороков на момент их заключения, признавались недействительными. См.: решение Октябрьского районного суда г. Иркутска от 14.02.2023 // URL: <https://irkobl.ru/sites/zags/news/3157636/> (дата обращения: 26.02.2026) ; решение Центрального районного суда г. Тюмени от 16.03.2023 // URL: <https://pravo.ru/news/245637/> (дата обращения: 26.02.2026).

⁶ К числу государств, где законодательно допускается смена пола, относятся, в частности, Белоруссия, Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан.

⁷ Речь идет, в частности, об ограничении права на предъявление мужем требования о расторжении брака без согласия жены во время ее беременности и в течение года после рождения ребенка (ст. 17 СК РФ).

⁸ По справедливому мнению Е. Г. Комиссаровой, «любые попытки разделить рожденных детей на группы, категории, виды для целей подчеркивания различий, связанных с их происхождением, представляют собой не что иное, как неосознанный уход в юридическую патриархальность, которой были неведомы инструменты равенства и законного разнообразия способа установления отцовского происхождения». См.: *Комиссарова Е. Г.* Равенство прав и обязанностей детей, родившихся от лиц, не состоящих в браке между собой (научное эссе о позитивно-правовом смысле статьи 53 Семейного кодекса РФ) // Демидовский юридический журнал. 2026. Т. 16. № 1. С. 35.

Федерации»⁹). Во многом это обусловлено тем, что рождение детей связано прежде всего не с реализацией супружеского статуса, а с осуществлением права на частную жизнь, предполагающего возможность гражданина по своему усмотрению решать вопросы деторождения¹⁰.

Вместе с тем брак может быть обязательным условием возникновения отдельных семейных правоотношений. Речь идет, например, об участии в процедуре суррогатного материнства, которая может предшествовать приобретению супругами правового статуса родителей. Такой законодательный подход также служит примером конституционализации правовых норм о семейных личных неимущественных отношениях, направленной на укрепление модели семьи со стабильным зарегистрированным браком супругов, имеющих детей, и на приоритетную правовую охрану детства, поскольку дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ¹¹).

Ограничение субъектного состава правоотношений суррогатного материнства расширяет содержание такого основания недействительности брака, как его фиктивность, выражающаяся в регистрации брака в целях заключения договора о суррогатном материнстве без намерения создать семью. Несмотря на отсутствие в законе прямого указания на фиктивность такого брака, следует предположить, что именно данное правовое последствие подразумевает законодатель, когда указывает на отсутствие у лиц, вступающих в брак, намерения создать семью, а также на дополнительные гарантии прав добросовестного супруга.

Однако правовые последствия регистрации брака с целью заключения договора о суррогатном материнстве без намерения создать семью (п. 6 ст. 51 СК РФ) не соответствуют общим правовым последствиям признания брака недействительным. Так, недействительность брака не

влияет на права детей, родившихся в таком браке или в течение 300 дней со дня признания такого брака недействительным. В свою очередь, регистрация брака с целью заключения договора о суррогатном материнстве без намерения создать семью влияет на возникновение детско-родительских правоотношений: супруги, брак которых прекращен или признан недействительным на момент записи родителями ребенка в книге записей рождения, могут приобрести правовой статус родителей лишь на основании решения суда и при условии, что брак не был зарегистрирован с целью заключения договора о суррогатном материнстве без намерения создать семью.

В противном случае право стать родителем ребенка, рожденного вследствие применения процедуры суррогатного материнства, сохраняется лишь за добросовестным супругом. Однако содержание понятия «добросовестный супруг» в ситуации, когда брак зарегистрирован без намерения создать семью, но с целью заключения договора о суррогатном материнстве, специфично. Например, может ли признаваться добросовестным супруг, который вступил в брак не с целью создания семьи, а с целью удовлетворения естественной потребности стать родителем и осуществлять родительскую заботу о родном ребенке, рождение которого с учетом медицинских показаний возможно исключительно посредством суррогатного материнства? Вероятно, может, тем более что иной подход повлечет ситуацию, когда ни один из супругов не будет признаваться добросовестным, а при согласии суррогатной матери на передачу ребенка на воспитание в родную семью ребенок и вовсе останется без родительского попечения.

Представляется, что избранный законодателем правовой инструментарий, используемый в п. 6 ст. 51 СК РФ, несовершенен ввиду логического несоответствия законодательной триаде «брак — семья — родительство»: если целью

⁹ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁰ См.: Богданова Е. Е., Белова Д. А. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 72.

¹¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

заключения брака является создание семьи, а предназначение семьи выражается в рождении и воспитании детей, то брак, зарегистрированный с целью рождения и воспитания детей, в том числе посредством участия в процедуре суррогатного материнства, что предполагает заключение договора о суррогатном материнстве, вряд ли может признаваться заключенным без намерения создать семью. Однако закрепление рассмотренных правовых последствий направлено на исключение случаев формального заключения брака с целью преодоления законодательного запрета на участие в процедуре суррогатного материнства одиноких мужчин либо с целью фактического получения новорожденного, выношенного и рожденного суррогатной матерью, для совершения последующих противоправных действий, в том числе связанных с недопустимой объективизацией ребенка¹².

Усиление публично-правовых начал в регулировании личных неимущественных отношений членов семьи в целях укрепления институтов семьи и брака иногда может возыметь обратный эффект. В качестве примера приведем законодательный запрет на использование донорских половых клеток в рамках процедуры суррогатного материнства, который может создавать препятствия для осуществления права на семейную жизнь, в том числе возможности реализации родительского потенциала¹³.

Полное исключение возможности использования донорского репродуктивного материала в процедуре суррогатного материнства при участии в ней мужчины и женщины, состоящих в браке, и при неэффективности иных вспомогательных репродуктивных технологий в лечении бесплодия одного из супругов лишает таких граждан возможности стать родителями общего, хотя и биологически родного для одного из них,

ребенка, что в конечном итоге может привести к распаду, а не к укреплению семьи. Супруг, состояние репродуктивного здоровья которого позволяет стать родителем биологически родного ребенка, в целях планирования новой семьи может принять решение о расторжении брака с супругой, у которой диагностировано бесплодие, обуславливающее невозможность как использования ее собственных половых клеток для создания эмбрионов, так и вынашивания и рождения ею ребенка¹⁴. Альтернативным решением может стать участие граждан в процедуре суррогатного материнства в иностранных государствах, где подобные ограничения отсутствуют (например, в Белоруссии, Казахстане), что, однако, снижает степень защиты прав и интересов российских граждан, в том числе и тех, которые будут выношены и рождены суррогатной матерью на территории иностранного государства.

Такой запрет порождает также проблему определения судьбы криоконсервированных эмбрионов, созданных с использованием донорских половых клеток и оставшихся после неудачного применения экстракорпорального оплодотворения, не повлекшего наступления беременности у супруги. При неэффективности названной вспомогательной репродуктивной технологии и невозможности участия супругов в процедуре суррогатного материнства имеет место ситуация, когда эмбрионы, хотя и созданные с использованием донорских половых клеток, у супругов имеются, но их перенос суррогатной матери невозможен, а супруге — лишен смысла. В итоге такие невостребованные эмбрионы по решению супругов или одного из них в лучшем случае будут подлежать донации, а в худшем — утилизации. Данная проблема могла бы иметь позитивное решение, если бы одновременно с законодательным закрепле-

¹² См. подробнее: *Тарусина Н. Н.* Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиции в новом // *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 1. С. 44.

¹³ См. подробнее: *Низамиева О. Н.* Функции семейно-правовых договоров : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2025. С. 93–95 ; *Шершень Т. В.* О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве // *Семейное и жилищное право*. 2010. № 6. С. 14–15.

¹⁴ Описанная ситуация усугубляется в том числе невозможностью одинокого мужчины участвовать в процедурах применения вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе суррогатного материнства.

нием запрета на использование в процедуре суррогатного материнства эмбрионов, созданных с использованием донорских половых клеток, были предусмотрены специальные правила о действии во времени рассматриваемой новеллы.

Законодательный подход к правовому регулированию отношений суррогатного материнства ограничивает принцип автономии семьи и право на частную жизнь, предполагающие возможность граждан по своему усмотрению решать вопросы деторождения, и в некоторых случаях не способствует «сохранению и укреплению семейных связей с целью обеспечения выполнения семьей имманентно присущих ей функций»¹⁵. Однако данный подход направлен на приоритетную охрану прав и интересов детей, рожденных суррогатной матерью, поскольку он исходит из взаимосвязи брака и биологического родства с ответственным родительством¹⁶.

В правовом регулировании семейных имущественных отношений наблюдается тенденция всё большего усиления гражданско-правовых начал: правовые нормы и практика их применения преследуют не столько создание условий для укрепления института семьи и приоритетной защиты прав и интересов слабой стороны семейного правоотношения, сколько обеспечение стабильности гражданского оборота. Как следствие, такой подход снижает степень правовой гарантированности имущественных интересов членов семьи.

В настоящее время сформировалась правоприменительная практика распространения исковой давности на требования о признании недействительными брачного договора, соглашения о разделе общего имущества супругов, соглашения об уплате алиментов, а также требования о взыскании неустойки за несвоевременную уплату алиментов. Несмотря на несоответствие такого правоприменительного подхода семейно-правовым нормам о применении исковой давности в семейных отношениях (ст. 9 СК РФ), он обосновывается указанием на гражданско-правовую природу названных соглашений и неустойки¹⁷.

Примерами, иллюстрирующими рассматриваемую тенденцию, служат также: гарантируемая пунктом 3 ст. 35 СК РФ приоритетная защита прав и интересов добросовестного приобретателя, нежели добросовестного супруга-сособственника, права которого нарушены совершением другим супругом сделки по распоряжению общим супружеским имуществом в отсутствие его нотариально удостоверенного согласия; установленная законом возможность суда уменьшить размер неустойки за несвоевременную уплату алиментов (п. 2 ст. 115 СК РФ)¹⁸.

Применительно к определению оснований недействительности брачного договора, соглашения о разделе общего имущества и соглашения об уплате алиментов теперь уже недостаточно сослаться на общие основания, преду-

¹⁵ По мнению О. Н. Низамиевой, именно такие цели, наряду с всемерной охраной семьи, преследует семейно-правовое регулирование. См.: *Низамиева О. Н. Функции семейно-правовых договоров*. С. 93.

¹⁶ Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, такое регулирование обеспечивает баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов. См.: определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2025 № 1222-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан К. Т. и К. Ю. на нарушение их конституционных прав частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ В доктрине семейного права представлены и обоснованы также иные подходы к определению правовой природы как договоров, заключаемых между членами семьи, так и неустойки, взыскиваемой при несвоевременной уплате алиментов, в том числе семейно-правовой. См., например: *Тарусина Н. Н. Семейно-правовой договор: общая «феноменология духа»* // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 73–78; *Низамиева О. Н. К вопросу о правовой природе неустойки, взыскиваемой за ненадлежащее исполнение алиментных обязанностей* // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2014. № 2. С. 221–222.

¹⁸ Такой подход противоречит карательной функции взыскания неустойки за несвоевременную уплату алиментов, размер которой намеренно определен законом в столь высоком размере. См. подробнее:

смотренные § 2 гл. 9 Гражданского кодекса РФ¹⁹ для недействительности сделок, и специальные основания, закрепленные семейным законодательством (ст. 44, 101 СК РФ). Названные группы оснований недействительности семейно-правовых договоров, регулирующих имущественные отношения членов семьи, подлежат дополнению третьей, установленной законодательством о несостоятельности (банкротстве). Например, соглашение об уплате алиментов может быть признано недействительным в той части, в какой причитающееся получателю алиментов предоставление превосходит его разумно достаточные потребности, чем причиняется ущерб интересам иных кредиторов²⁰.

Такое правоположение связано с зависимостью удовлетворения требований кредиторов в процедуре банкротства от объема первоочередных, в том числе алиментных, платежей. Однако семейному законодательству неведомо понятие «разумно достаточные потребности» получателя алиментов, а потому значимой с практической точки зрения становится проблема выявления критериев такой оценочной категории. Изменение законодательного подхода, ранее выражавшегося в приоритетном обеспечении интересов получателя алиментов, в угоду интересам других кредиторов плательщика алиментов не всегда отличается сбалансированностью и не соответствует целям семейно-правового регулирования.

Вызывают опасения преследующие обеспечение стабильности гражданского оборота идеи

закрепления на законодательном уровне презумпции общности долгов супругов (п. 2 ст. 45 СК РФ)²¹, допущения включения в брачный договор условия, которое ставит одного из супругов в крайне неблагоприятное положение (п. 3 ст. 42 СК РФ)²², пересмотра правовой природы срока исковой давности по требованию о разделе общего имущества супругов, брак которых расторгнут, в пользу пресекательного (п. 7 ст. 38 СК РФ)²³.

Таким образом, процесс переосмысления содержания семейно-правовых норм сквозь призму традиционных семейных ценностей прежде всего затрагивает личные неимущественные отношения членов семьи. Однако семейные, в том числе брачные и детско-родительские, правоотношения своим содержанием имеют не только личные, но и имущественные права и обязанности. Ввиду этого за семейно-правовой охраной институтов семьи, материнства, отцовства и детства как конституционных ценностей должна следовать выработка на законодательном уровне эффективной системы семейно-правовых гарантий защиты имущественных интересов членов семьи. Унификация ценностных подходов к правовому регулированию личных неимущественных и имущественных отношений членов семьи, направленная на достижение целей семейно-правового регулирования, позволит не только сохранить целостность предмета отрасли семейного права, но и обеспечить гармонизацию частных и публичных интересов в семейно-правовой сфере.

Ситкова О. Ю. Теоретические основы формирования и применения семейно-правовых санкций. Саратов : Научная книга, 2015. С. 64–65.

¹⁹ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» (п. 12) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

²¹ Здесь Верховный Суд РФ занимает «просемейную» позицию, разъясняя, что в семейном законодательстве в целях обеспечения правовой защиты членов семьи должника, а не его кредиторов не закреплена презумпция общности долгов супругов. См.: Обзор судебной практики 2016 (№ 1), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 апреля 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11–12.

²² См. анализ предлагаемых новелл: *Чашкова С. Ю.* О тенденциях развития договорного регулирования семейных имущественных отношений супругов с учетом развития законодательства и судебной практики // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 5. С. 71.

²³ См.: *Краснова Т. В.* Прекращение законного режима имущества, нажитого в период брака // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2009. № 2. С. 151.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Богданова Е. Е., Белова Д. А. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 66–75.
2. Ильина О. Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006. — 42 с.
3. Комиссарова Е. Г. Равенство прав и обязанностей детей, родившихся от лиц, не состоящих в браке между собой (научное эссе о позитивно-правовом смысле статьи 53 Семейного кодекса РФ) // Демидовский юридический журнал. — 2026. — Т. 16. — № 1. — С. 34–45.
4. Краснова Т. В. Прекращение законного режима имущества, нажитого в период брака // Правовая политика и правовая жизнь. — 2009. — № 2. — С. 148–154.
5. Низамиева О. Н. К вопросу о правовой природе неустойки, взыскиваемой за ненадлежащее исполнение алиментных обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия «Право». — 2014. — № 2. — С. 217–223.
6. Низамиева О. Н. Функции семейно-правовых договоров : дис. ... д-ра юрид. наук. — Казань, 2025. — 513 с.
7. Ситкова О. Ю. Теоретические основы формирования и применения семейно-правовых санкций. — Саратов : Научная книга, 2015. — 222 с.
8. Тарусина Н. Н. Семейно-правовой договор: общая «феноменология духа» // Юридическая наука. — 2016. — № 2. — С. 73–78.
9. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиции в новом // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 1. — С. 33–52.
10. Ульбашев А. Х. О конституционализации частного права // Сравнительное конституционное обозрение. — 2017. — № 6 (121). — С. 87–100.
11. Чашкова С. Ю. О тенденциях развития договорного регулирования семейных имущественных отношений супругов с учетом развития законодательства и судебной практики // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 5. — С. 63–73.
12. Шершень Т. В. О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. — 2010. — № 6. — С. 14–17.

Материал поступил в редакцию 18 мая 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bogdanova E. E., Belova D. A. Aktualnye problemy reformirovaniya zakonodatelstva o surrogatnom materinstve // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2021. — T. 16. — № 4. — S. 66–75.
2. Ilina O. Yu. Chastnye i publichnye interesy v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2006. — 42 s.
3. Komissarova E. G. Ravenstvo prav i obyazannostey detey, rodivshikhsya ot lits, ne sostoyashchikh v brake mezhdu soboy (nauchnoe esse o pozitivno-pravovom smysle stati 53 Semeynogo kodeksa RF) // Demidovskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2026. — T. 16. — № 1. — S. 34–45.
4. Krasnova T. V. Prekrashchenie zakonnoego rezhima imushchestva, nazhitogo v period braka // Pravovaya politika i pravovaya zhizn. — 2009. — № 2. — S. 148–154.
5. Nizamieva O. N. K voprosu o pravovoy prirode neustoyki, vzyaskivayemoy za nenadlezhashchee ispolnenie alimentnykh obyazannostey // Vestnik TvGU. Seriya «Pravo». — 2014. — № 2. — S. 217–223.
6. Nizamieva O. N. Funktsii semeyno-pravovykh dogovorov: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Kazan, 2025. — 513 s.
7. Sitkova O. Yu. Teoreticheskie osnovy formirovaniya i primeneniya semeyno-pravovykh sanktsiy. — Saratov: Nauchnaya kniga, 2015. — 222 s.

8. Tarusina N. N. Semeyno-pravovoy dogovor: obshchaya «fenomenologiya dukha» // Yuridicheskaya nauka. — 2016. — № 2. — S. 73–78.
9. Tarusina N. N. Semeynye tsennosti pod egidoy prava: novoe v traditsii i traditsii v novom // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 1. — S. 33–52.
10. Ulbashev A. Kh. O konstitutsionalizatsii chastnogo prava // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie. — 2017. — № 6 (121). — S. 87–100.
11. Chashkova S. Yu. O tendentsiyakh razvitiya dogovornogo regulirovaniya semeynykh imushchestvennykh otnosheniy suprugov s uchetom razvitiya zakonodatelstva i sudebnoy praktiki // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 5. — S. 63–73.
12. Shershen T. V. O prave na semyu i probleme opredeleniya ponyatiya semi v sovremennom rossiyskom prave // Semeynoe i zhilishchnoe pravo. — 2010. — № 6. — S. 14–17.